

Графическое искусство остяков и вогулов.

Своеобразный остяко-вогульский орнамент получил широкую известность благодаря работе Сирелиуса¹, в основу которой легли разнообразные орнаментальные мотивы остяков и вогулов, встречающиеся на берестяной посуде и мехе. Разумеется, материалами, опубликованными Сирелиусом, не исчерпывается многообразная остяко-вогульская орнаментика. В собраниях наших центральных и особенно местных музеев, без сомнения, найдется еще не мало орнаментальных мотивов и их вариантов, не отмеченных Сирелиусом. Особенно много пробелов в изображениях птиц и зверей, которыми так богата остяко-вогульская орнаментика. В упомянутой работе Сирелиус вовсе не касается исключительно интересного шитого орнамента южных остяков и вогулов, в настоящее время уже вымершего, но сохранившегося в музейных собраниях. Кое-какие дополнения к материалам по остяко-вогульской орнаментике, опубликованным Сирелиусом, дает альбом Мартина², в котором имеются также две таблицы рисунков, исполненных остяками на бумаге, и статья Семайера³. Шитому орнаменту посвящены только небольшие заметки⁴.

Не задаваясь целью всестороннего обзора остяко-вогульского графического искусства, мы имеем в виду ознакомить только с частью материалов, собранных нами во время экспедиции к остякам и вогулям 1909—1910 годов⁵, касающихся главным образом графики. По орнаментике мы приводим ряд изображений птиц и зверей, дополняющих опубликованные ранее.

Источники для изучения остяцкой и вогульской графики весьма разнообразны. Сюда относятся, прежде всего „ знамена“, собственноручные подписи остяков и вогулов на исторических документах, рисунки, которые мы находим на различных предметах, и пиктографы. Материал для изучения орнаментики мы черпаем в предметах домашнего обихода, главным образом, берестяной посуде, в татуировке, на одежде и проч.

Остяцкие знамена были в свое время изучены Оглоблиным⁶ и с тех пор заняли особое место среди тамг и знамен многочисленных племен России. Просматривая ра-

¹ Sirelius, U. T. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen. Helsingfors. 1904.

² Martin, F. R. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. Stockholm. 1897.

³ Semayer, V. Vogul-osztják himes kéregedények. Budapest. 1905.

⁴ Этнографические коллекции Тобольского Губернского Музея. Ежегодник Тобольского Губернского Музея. Тобольск. 1911.

⁵ Руденко, С. Предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губ. Отчет Этнографического Отдела Русского Музея за 1910 г. СПБ. 1912.

⁶ Оглоблин, Н. Остяцкие „ знамена“ XVII века. Исторический Вестник, кн. 10, 1869. Его же. „ Знамена“ сибирских инородцев XVII в. Зап. Уральск. Общ. Любят. Естеств., т. 13, вып. 1. Екатеринбург. 1891—92.

боту Ефименко¹, не трудно убедиться, что осяцкие знамена резко отличаются от знамен всех рассмотренных им народностей России своеобразным начертанием, имеющим много общего лишь с родовыми знаками северо-американских индейцев. В то время, как знаки русских крестьян и финских племен, тамги турецких и монгольских племен имеют весьма простое начертание, обычно комбинации прямых линий, реже буквенные обозначения, знамена осяков являются изображениями различных предметов и притом часто зверей, птиц и рыб. Не вдаваясь в вопрос о происхождении знамен вообще, в различные моменты жизни народа они могут иметь различное значение и происхождение, остановимся вкратце на знаменах осяцких.

В настоящее время мы встречаем у осяков и вогулов знамена, имеющие значение знака собственности, тавра. Последние употребляются для меты домашних животных или предметов и имеют начертания, обычные для тавра и для тамг русских, турецких и финских племен. Самое название знамени *сали пос* или *кат пос* свидетельствует о том, что мы имеем дело прежде всего с метой для оленя, хотя эти *сали пос* или *кат пос* ставятся и на лошадях, промысловых орудиях, в частности на грузилах и поплавках в коллективных неводах. Они же служат и подписными знаменами неграмотных на различных документах. Современные знамена осяков и вогулов существенно отличаются от интересующих нас знамен, встречающихся в документах XVII века. Там знаменем данного, руку прилагающего, осяка чаще всего, повидимому, служил его тотемный знак, изображение тотема. Осяки и вогулы принадлежат к числу немногих племен России, до сих пор связывающих происхождение отдельных своих колен с теми или иными родоначальниками-тотемами. На это в свое время было обращено внимание Гондатти², значительный материал по данному вопросу был собран и нами во время упомянутой поездки к осякам и вогулам. На северной Сосьве различные колена вогулов почитают, одни чайку (*Larus ichtyaëtos*), другие—гагару (*Colymbus septentrionalis*), третья—оленя, иные—лося, выдру, налима, ястреба, лягушку, какого-нибудь легендарного человекоподобного гения (старика—*оика*). Не зная письменности, не имея индивидуальных тамг, осяки и вогулы, в XVII веке и позднее, на документах вместо подписи, удостоверяющей личность приложившего руку, изображали свои родовые тотемы. Знамена тотемного характера, как сказано, в большом количестве, опубликованы Оглоблиным. Эти знамена только до известной степени могут дать представление об осяцкой графике, хотя бы уже потому, что они начертаны были при исключительной обстановке и необычным орудием-пером, впервые взятым в руки. Тем не менее и здесь мы наблюдаем известный стиль, традицию в изображении ряда предметов. Достаточно просмотреть опубликованные Оглоблиным изображения оленей и других зверей и птиц (табл. I).

Сопоставление взятых нами из материалов Оглоблина осяцких знамен с осяцкими рисунками на бумаге в альбоме Мартина и, как увидим далее, собранными нами, свидетельствует о ряде общих черт в этих, хотя и схематических, но достаточно выразительных традиционных изображениях. Примитивность и простота начертания в значительной степени вытекает из их назначения.

Много общего со знаменами имеет татуировка, которая теперь уже редко встречается среди осяков и вогулов.

Первые сведения, относящиеся к началу XVIII века, о татуировке у осяков, мы находим у Г. Новицкого³, который писал, что осяки „имѣют знаменія нѣкака: или

¹ Ефименко, П. Юридические знаки. Журнал Министерства Народного Просвещения. СПБ. 1874, ч. 176.

² Гондатти, Н. Л. Следы языческих верований у манзолов. Труды Этнографического Отдела Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Москва. 1887, кн. 8.

³ Новицкий, Г. Краткое описание о народе осяцком сочиненное в 1715 г. Изд. Майкова. СПБ. 1884, стр. 33.

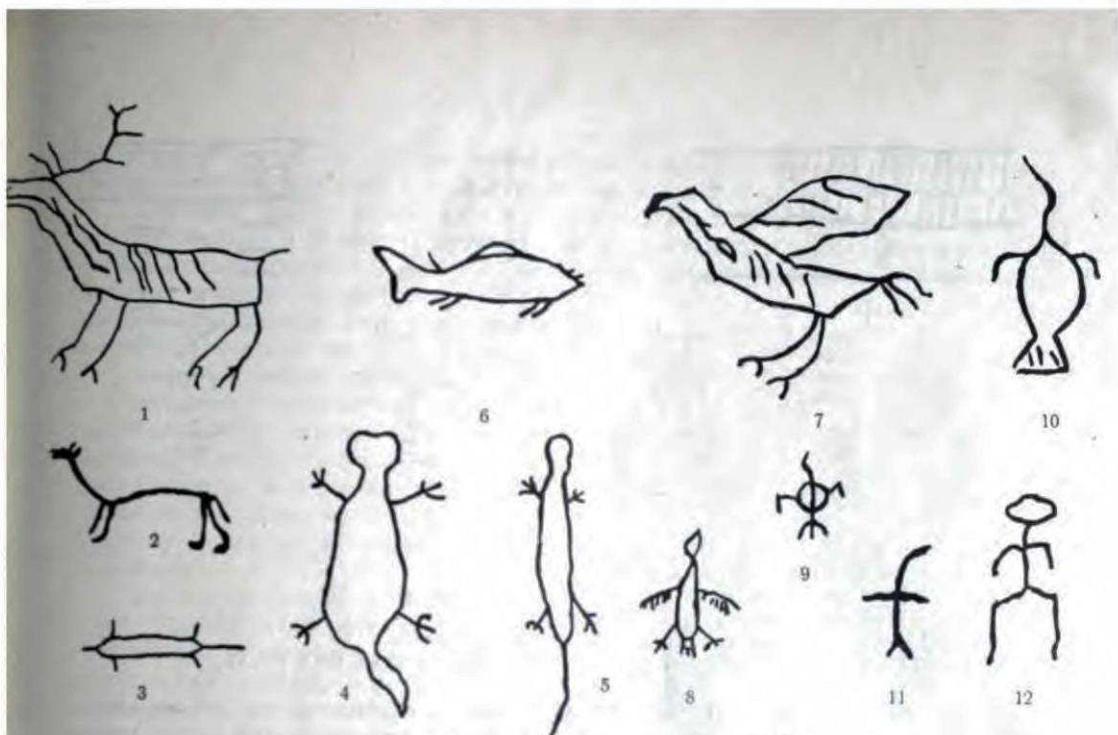

Таблица I (натуру. величина).

Рис. 1. Олень—знаки остяков Сургутск. у., 1654 г.

Рис. 2. Олень—знаки остяков, XVII в.

Рис. 3. Соболь—знаки остяков Сургутск. у., 1646 г.

Рис. 4. Бобр—знаки остяков Сургутск. у., 1655 г.

Рис. 5. Выдра—знаки остяков Сургутск. у., 1655 г.

Рис. 6. Рыба—знаки остяков, XVII в.

Рис. 7. Тетерев—знаки остяков Сургутск. у., 1654 г.

Рис. 8. Филия—знаки остяков Сургутск. у., 1647 г.

Рис. 9. Тетерев—знаки остяков Березовск. у., 1648 г.

Рис. 10. Птица—знаки остяков, XVII в.

Рис. 11. Птица—знаки остяков, XVII в.

Рис. 12. Человек—знаки остяков Нарымск. у., 1662 г.

взоры на руцѣхъ и персѣхъ, или на нозѣхъ, яже въ различныя виды и черты чернотію сице изображаютъ еще здѣтска руцѣ или нозѣ или на персѣхъ иглою до крове избодше сажею съ иными утварими тако крѣпко натираютъ, яко сотретися до кончины его не можетъ. И сихъ употребляютъ знаменій яже вмѣсто подписанія рукою своею черты своя выписываютъ и заемная утверждаютъ писанія. Нѣ толико же се имѣютъ сего ради употребленія, но пытаются се за украшеніе иѣкое, и женскій бо ихъ поль такожде руцѣ себѣ изпещряютъ и украшаютъ тоєюже единою чернотію, но изълишне различными виды и взоры птицъ и звѣрей сіе изображеніе изображаютъ".

Позднее о татуировкѣ остяков писал Паллас¹. „Не меньше украшений почитаются Остяцкія бабы, въ вышиваніи разныхъ синихъ фигуръ на тѣлѣ, какъ то на спинѣ, на локтяхъ, на берцахъ, или гдѣ индѣ; для вышиванія же беруть сперва сажи и нарисовываютъ оною то, что имъ хочется, на конецъ по тѣмъ же слѣдамъ пройдутъ съ иголкою и прокалываютъ до крови, отъ чего впившаяся съ сажею кровь дѣлаетъ голубыя пятна такъ и заживаетъ. Мужчины дѣлаютъ тоже, но только на однѣхъ кистяхъ; и оные знаки записываются въ ясашную книгу, что у нихъ, такъ какъ и у другихъ безграмотныхъ народовъ, столько же важить сколько рукой подписать сѧ. На конецъ выписываютъ онѣ еще какіе нибудь фигуры на плечахъ или гдѣ индѣ, но то или по причинѣ болѣзни или по причинѣ какого другаго особылаго приключенія".

¹ Паллас, П. С. Путешествие по разнымъ провинциямъ Российскаго государства. СПБ. 1788, ч. III, стр. 53—54.

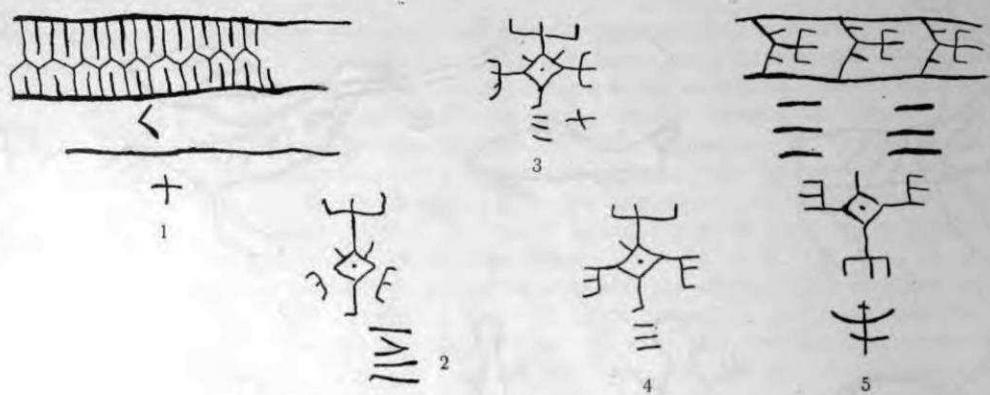

Таблица II.

Рис. 1. Тамга (татуировка) на левой руке девушки-вогулянки.

Рис. 2. Тамга (татуировка) на правой руке вогула Петра Бахтиарова.

Рис. 3. Тамга (татуировка) на правой руке остика Нёрина.

Рис. 4. Тамга (татуировка) на правой руке вогула Федора Укладова.

Рис. 5. Тамга (татуировка) на правой руке девушки-вогулянки (той же, что и рис. 1).

Сорокинъ¹ въ своемъ „Путешествіи къ вогуламъ“ сообщаетъ, что „у большинства Вогуловъ (какъ мужчинъ, такъ и женщинъ) на рукахъ (повыше кисти) и ногахъ можно замѣтить различные узоры, состоящіе изъ темно-синихъ черточекъ, квадратиковъ и точекъ... Эта татуировка тѣла, сколько мнѣ удалось узнать, имѣеть различныя основанія: въ большинствѣ случаевъ молодыя женщины и дѣвушки разукрашиваются себѣ ю ради кокетства... Мужчины же имѣютъ нѣсколько иную цѣль. Во время охоты, бродя по лѣсамъ Урала, Вогуль время оть времени вырѣзаетъ на стволахъ деревьевъ тѣ узоры, которые онъ имѣеть на рукахъ или ногахъ, и такъ какъ каждое семейство имѣеть свою тамгу, то всякий охотникъ, идущій по лѣсу и замѣчающій вырѣзки на деревьяхъ, можетъ быть смѣло увѣренъ, что Вогуль изъ такого то семейства прошелъ въ этихъ мѣстахъ... Наконецъ, тамга служить еще и какъ медицинское пособіе. Если кто нибудь сломаетъ руку или ногу, или просто они долго болѣютъ—то надѣяться больнымъ или переломаннымъ мѣстомъ накалываютъ тамгу... Знаки на тѣлѣ дѣлаются очень просто: какимъ-нибудь острымъ оружіемъ производятся надрѣзы кожи болѣе или менѣе глубокіе и потомъ натираются пораненое мѣсто толченымъ порохомъ“.

Во время нашей поездки к остыкам и вогулам мы употребили все усилия к тому, чтобы зарисовать по возможности все встреченные нами татуировки. Обычай татуировки уже выводится, и нам удалось на всей огромной территории, заселенной северными вогулами и остыками, зарисовать только двадцать татуировок, изображения которых мы воспроизведим.

По собранным нами сведениям, в настоящее время татуировка производится с медицинской целью и как украшение. Чаще всего остыки и вогулы татуируются при ревматизме, ломоте в суставах. Тот воспалительный процесс, который сопровождает татуировку, отвлекает боль и даже, по их мнению, излечивает. Поэтому, татуировку мы чаще всего встречаем в области суставов рук (отсюда и самое название татуировки *ёшяут*, вогульские — *уйрысы*), реже плеч и ног. Татуировка медицинская в виде ряда полос

¹ Сорокин, Н. Путешествие к вогулам. Труды Общ. Естествоиспытателей при И. Казанском Университете. Казань. 1873, т. III, № 4.

или рубцов встречается гораздо чаще узорной. Узорная татуировка, татуировка как украшение, часто сочетается с медицинскими целями (рис. 1).

Сведения, которые получили мы о технике татуировки, вполне совпадают с сообщениями Новицкого и Палласа. Узор накалывается иголкой, затем берется сажа с наружных стенок котла и втирается в наколотые места кожи. При татуировке необходимо соблюдать ряд установленных правил, в частности сажу с котла нельзя снимать ножом, а необходимо делать это пальцем руки.

Вполне возможно, что в иных случаях при татуировке изображались тотемы. Вне сомнения, иногда татуировка, как особая примета, служила знаменем для данного лица, примеры чего приводят Новицкий, Оглоблин и Сорокин, но отожествлять татуировку с тамгами, знаменами вряд ли правильно.

Как общее правило, татуировка мужчин не вызывает соображениями эстетики. Она обычно состоит из нескольких параллельных, иногда перекрещивающихся, полос. В приводимых нами примерах (табл. III, рис. 1 и 2) она имеет форму креста. Сорокин дает татуировки vogulov (мужчин), где мы имеем изображение птицы *ворчик*, но в данном случае мы имеем дело с особым видом татуировки, связанной с мистикой.

Татуировка женщин на открытых местах, кистях рук, узорчатая (табл. III, рис. 4—12). На предплечьях мы встречаем изображения птицы *ворчик* (табл. IV). На ногах и плечах татуировка встречается в виде отдельных полос. В некоторых случаях татуированы обе руки.

Рассматривая рисунки татуировки на таблицах III и IV и сопоставляя их с опубликованными Сорокиным (табл. II), мы видим, что все они сводятся к нескольким традиционным мотивам, из которых часть встречается на меховых и суконных предметах, в частности на одежде, часть же типична только для татуировки. К первой категории мотивов относятся *нэл пос*, *ази вой ух* (в частности нижняя часть рис. 10 и 11, табл. III), ко второй — *вурчик* или *ворчик*. Реже встречаются стилизованные изображения ели или мыши.

Исключительный интерес представляет татуировка в виде птицы (табл. IV). Только в одном случае мы имеем изображение тетерева (табл. IV, рис. 3), своеобразное по стилю и отличающееся от прочих изображений. Все остальные изображения птицы отличаются поразительным сходством, несмотря на некоторые различия отдельных вариантов. Сравнивая все наши изображения птицы с подобными изображениями в работе Сорокина, мы убеждаемся, что везде имеем дело со строго установленным традиционным стилем в изображении птицы татуировкой, стилем, не встречающимся в иных видах осяцкой и vogульской графики.

Рис. 1 — А. Татуировка на левой руке осячки Татьяны Лазям 40 лет. Казым-Еган-вож на р. Казыме. Б. Татуировка на правой руке осячки Татьяны Иорыхсан, Ильби горт на р. Казыме: а) *айрын угыл хужсансы* — завязки самоедской наряда; б) *хульнуу* — еловый сук; в) *пэрна* — крест; г) *мый хаарын яхтывой* — мыши; д) *вурчик* — птица.

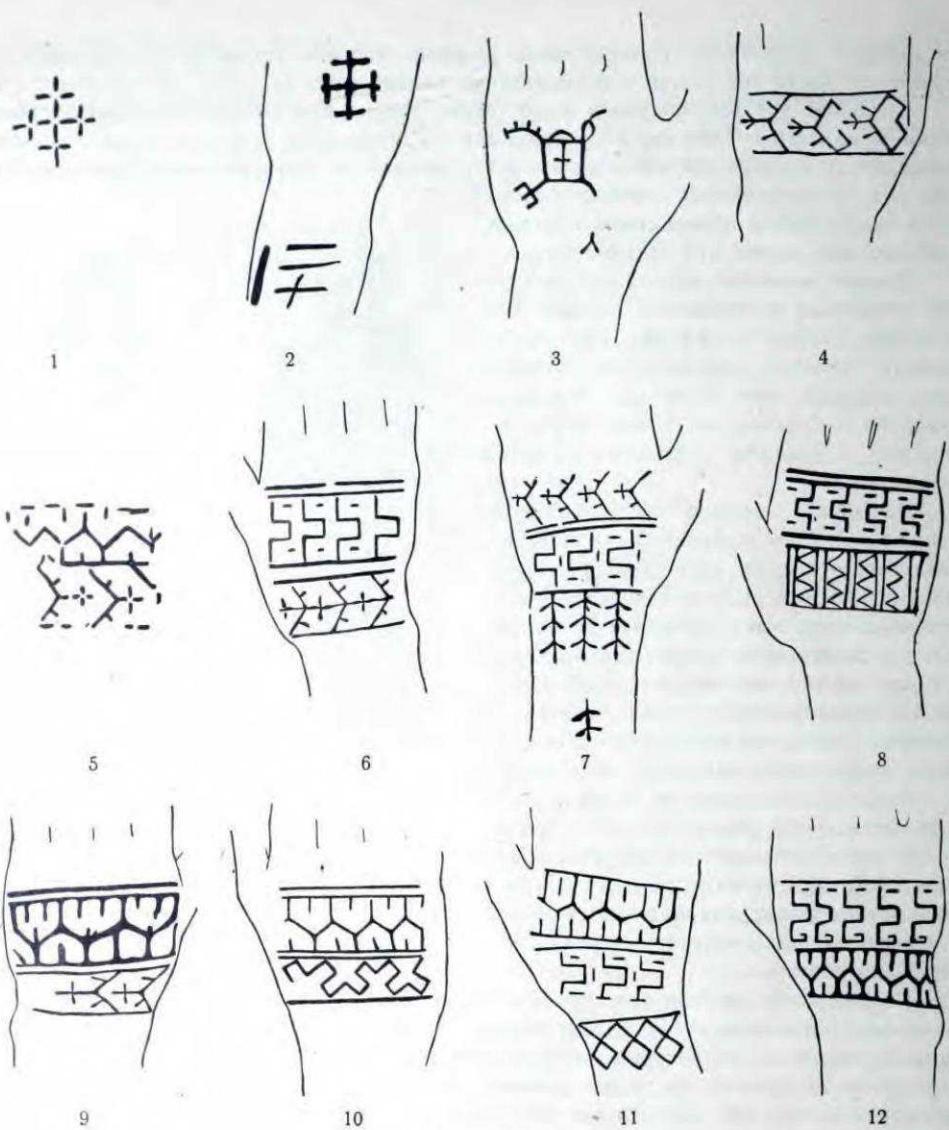

Таблица III.

Рис. 1. *Пэрна*—крест; татуировка на правой руке осятка Григория Спиридонова, 72 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Пэрна*—крест; татуировка на левой руке осятка Николая Сянкина, 52 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 3. Изображение какого то мифического животного; татуировка на левой руке осячки средних лет с р. Богулки.

Рис. 4. *Нёл пос*—конец стрелы; татуировка на левой руке осячки Марии Волты, 60 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 5. *Нёл пос*—конец стрелы и *йорын ол хаңжынысы*—узор самоедской голени; татуировка на правой руке осячки Татьяны Захар, 52 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 6. *Нёл пос*—конец стрелы; татуировка на правой руке остички Татьяны Лазям, 40 лет. Казым-еган-вож на р. Казыме.

Рис. 7. *Ленгер кур*—мышьяная нога, *хулээт* и *нёл пос*—конец стрелы; татуировка на левой руке остички Акулины Андымы, 63 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 8. *Нёл пос*—конец стрелы и *ази вай ух*—голова животного с клыком; татуировка на правой руке остички Анны Вуды, 67 лет. Казым-еган вож на р. Казыме.

Рис. 9. *Нёл пос*—конец стрелы и *йорын ол ханжыныс*; татуировка на левой руке старухи vogулянки с р. Северной Сосьвы.

Рис. 10. *Нёл пос*—конец стрелы и *йорын ол ханжыныс*; татуировка на правой руке остички Марии Волты, 60 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 11. *Йорын уымла ханжыныс* и *ази вай ух*—голова животного с клыком и *вурчик*—птица; татуировка на правой руке остички Акулины Андымы, 63 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 12. *Нэр нэгөт* и *нёл пос*—конец стрелы; татуировка на правой руке остички Авдотьи Волты, 63 лет. Казым-еган-вож на р. Казыме.

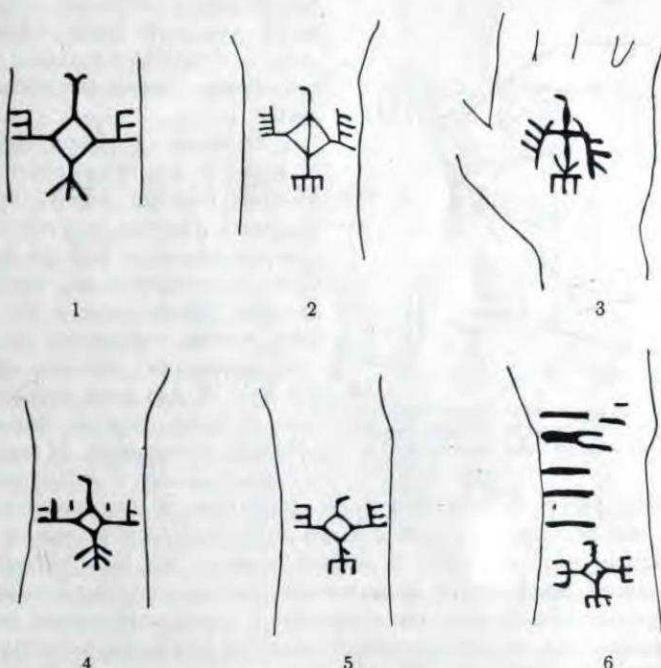

Таблица IV.

Рис. 1. *Вурчик*—птица; татуировка на правом предплечье остички Марии Емалиб, 39 лет. Казым-тын-вож на р. Казыме.

Рис. 2. *Ворчик*—птица; татуировка на правой руке vogулянки Домны Сергуски, 34 лет. Ильби пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 3. *Чолыр*—тетерев; татуировка на правой руке vogулянки Ульяны Ингилеб, 27 лет. Няхлы пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 4. *Вурчик*—птица; татуировка на предплечье правой руки остички Акулины Андымы, 63 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 5. *Ворчик*—птица; татуировка на правой руке vogулянки Овисы Огось. Мункез пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 6. *Ворчик*—птица; татуировка на левой руке vogулянки Марии Таратовой, средних лет. Волим пауль на р. Северной Сосьве.

Некоторый материал для изучения осяцкой и вогульской графики могут дать затесы на деревьях, значки — зачатки письменности, при помощи которых народности сибирской тайги отмечают пройденный путь и сообщаются между собой. По выше приведенной выдержке из „Путешествия“ Сорокина можно заключить, что вогулы на затесах вырезают те же узоры (тамги), которые татуированы у них на руках и ногах. Среди затесов, которые мы наблюдали, нам не пришлось встретить узоров или изображений животных. Однако Кузнецов¹, в своем описании природы и жителей восточного склона Северного Урала, приводит изображения зверей, встреченные им на вогульских затесах (рис. 2).

Особый интерес представляют очень древние, повидимому, осяцкие рисунки на асанидских блюдах, одном из Коцкого городка Березовского округа и другом из собрания Салтыкова². Блюда эти были использованы осяцами по всей вероятности для ритуальных целей и на них мы встречаем многочисленные и притом весьма своеобразные канонизованные изображения людей.

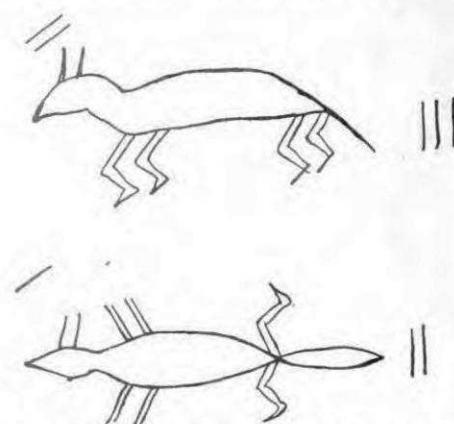

Рис. 2. Пиктограммы: а) Два вогула с тремя собаками убили на этом месте россомаху; б) один вогул с двумя собаками убил на этом месте белку.

ворены, рисующие ранее не имели в руках карандаша и поэтому работали им при рисовании как ножом; по-русски объяснялись с трудом да и то только двое, о грамоте же не приходится и говорить. В выборе сюжетов они были свободны, рисовали кому что вздумается. Впрочем, не исключается возможность заимствования сюжетов, так как нам нередко приходилось демонстрировать ранее исполненные рисунки, чтобы пояснить, что именно мы желали получить, предлагая карандаш и бумагу. Изображали осяцки и вогулы главным образом различных животных: зверей (37%), птиц (25%), рыб (11%), человека (6%), насекомых (6%), земноводных (3%), различные сцены.

Обзор наших рисунков мы начнем по сюжетам, что представляет наибольший интерес, хотя его можно было бы сделать по авторам, ибо и здесь не редко можно по манере воспроизведения отличить рисунки одного автора от другого.

Среди воспроизводимых нами рисунков имеются зарисованные осяцами и вогулами в наших альбомах, зарисованные на листах бумаги и просто на отдельных обрывках бумаги, случайно попавших в руки нашим посетителям. Мы имеем много дублетов,

¹ Кузнецов, Н. И. Природа и жители восточного склона Северного Урала. Изв. И. Русского Географического Общ. 1887, т. 23.

² Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. СПБ. 1909, табл. LVIII, рис. 12 и табл. XVII, рис. 40.

так как авторы часто не решались рисовать в альбоме и просили дать им лоскуток бумаги с тем, чтобы испробовать сначала, как выйдет рисунок, а затем уже рисовали в альбом. При этом следует отметить, что далеко не всегда чистовой рисунок в альбоме бывал лучше своего черновика, исполненного на обрывке бумаги.

Отсутствие навыка во владении карандашом, что надо иметь в виду при оценке художественных качеств рисунков, очень наглядно проявляется в воспроизведенных на рис. 3 изображениях северного оленя, сделанных низовым осяким Николаем Куйбинным. На наше предложение сделать какой-нибудь рисунок в альбом, осяк попросил сначала листок бумаги и нарисовал первое изображение своего любимого оленя (а). Рисунок этот его не удовлетворил, он взял второй листик и сделал второе изображение того же оленя (б). Наконец, им был исполнен третий рисунок в альбом (в). Таким образом мы имеем три изображения оленя, сделанные в течение получаса одним и тем же автором, что свидетельствует о несомненном успехе по мере освоения с непривычным орудием.

Одна из излюбленных тем в рисунках осяков и вогулов — изображение северных оленей, играющих столь важную роль в их жизни. Мы воспроизводим серию этих изображений (рис. 4, 8 и 9; табл. V, рис. 8 и 11; табл. VI, рис. 8; табл. XII, рис. 4 и 5). За исключением рис. 9, отличающегося особой манерой исполнения, присущей его автору, все остальные имеют много общего. Лучшее изображение оленя на рис. 3в, где хорошо передана форма тела этого животного и превосходно рога, в весьма типичной для северного оленя форме. Своеобразно отмеченное выше изображение оленей на рис. 9, далеко уступающее другим изображениям в присущей осяцким и вогульским рисункам реалистичности изображения: только рога свидетельствуют о том, что мы имеем дело с изображениями оленей.

Редки изображения лося, лошади и коровы. Наименее удачно изображение лошади (рис. 4а) с достаточно четко выраженным видовыми признаками этого животного, но весьма слабо передающего его формы. Удачнее изображение головы коровы (табл. VI, рис. 7), рисунок же лося (табл. VI, рис. 11) превосходит и дает ясное воспроизведение этого животного.

Многочисленны изображения медведя (табл. V, рис. 9; табл. VI, рис. 4, 9 и 12), причем они весьма различны по исполнению. На ряду с изображениями, передающими

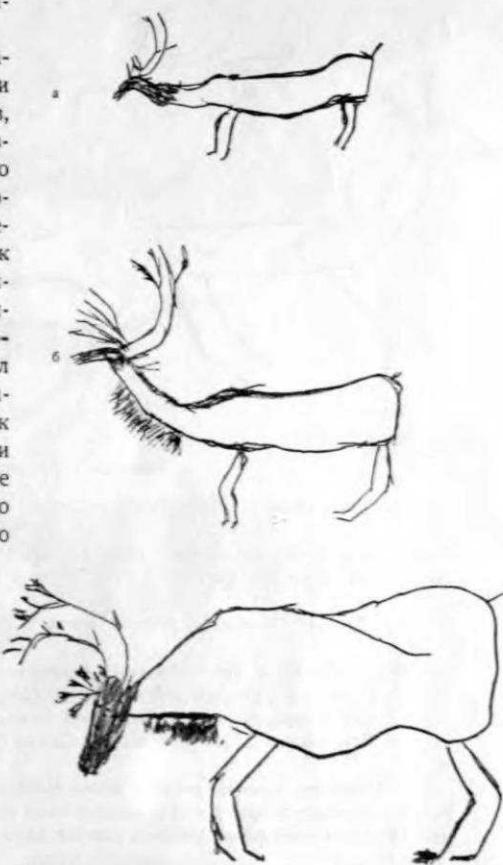

Рис. 3 а—в. Изображения северного оленя, исполненные осяком Обдорской волости Николаем Куйбиным, 46 лет (1/2 nat. vel.).

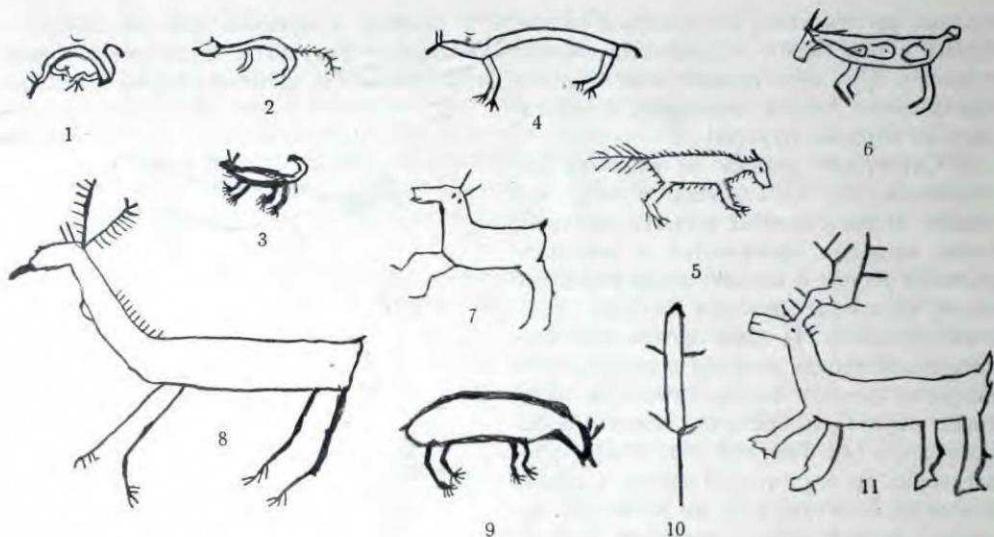

Таблица V (2/3 натур. величины).

Рис. 1. *Лянгэ*—белка, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 2. *Лянгэ*—белка, рисунок остычки Екатерины Бендиховой, 33 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 3. *Ле'ин*—белка, рисунок вогула Алексея Немчи, 32 лет. Няхсимволь пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 4. *Тулмых*—росомаха, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 5. *Лянгэ*—белка, рисунок остычки Екатерины Харан, 28 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 6. *Соур*—заяц, рисунок остычки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 7. *Соур*—заяц, рисунок остычки Анны Лизямовой, 18 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 8. *Яны уй*—лось, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 9. *Мойпыр*—медведь, рисунок остыка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 10. *Вундыр*—выдра, рисунок остычки Анны Лизямовой, 18 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 11. *Холт*—бык олень, рисунок остычки Анны Лизямовой, 18 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Описание таблицы VI.

Рис. 1. *Соур*—заяц, рисунок остыка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсъ-ёган горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Чёлкыс и саз*—горностай в черкане, рис. остыка Молданова, 14 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 3. *Амп*—собака, рисунок остыка Молданова, 13 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 4. *Вортол-одка*—медведь, рисунок вогула (исполненный левой рукой) Михаила Гоголева, 48 лет. Аньи пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 5. *Соур*—заяц, рисунок остыка Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 6. *Охсыр*—лисица, рисунок остыка Ери Кылым, 63 лет. Нижняя Обь.

Рис. 7. *Мис пунк*—коровья голова, рис. остыка Тимофея Яркина, 31 года. Нярэхумит пауль на р. Оби.

Рис. 8. *Вуды*—олень, рисунок остыка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсъ-ёган горт на р. Казыме.

Рис. 9. *Мойпыр*—медведь, рисунок остыка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсъ-ёган горт на р. Казыме.

Рис. 10. *Вундыр*—выдра, рисунок остыка Марии Бендиховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 11. *Курун вой*—лось, рисунок остыка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 12. *Мойпыр*—медведь, рисунок остыка Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 13. *Вундыр*—выдра, рисунок остыка Ивана Рандамова. Ильби горт на р. Казыме.

Таблица VI (натур. величина).

характерные черты этого властелина сибирской тайги (табл. VI, рис. 12), мы имеем рисунки, мало напоминающие этого зверя, и авторы изображением клыков и когтей пытались выявить отличительные его черты (табл. V, рис. 9; табл. VI, рис. 4).

Очень разнообразны изображения белок (табл. V, рис. 1—5), среди которых одни подчеркивают гибкость и грацию этого зверька (табл. V, рис. 1 и 2), другие отмечают пышность мехового покрова, особенно хвоста (табл. V, рис. 2 и 5). Заяц (табл. V, рис. 6 и 7; табл. VI, рис. 1 и 5) в своих изображениях плохо дается остыкам; большие уши и коротенький хвост, пожалуй, единственны черты, по которым можно распознать этого зверя.

Из остальных зверей мы имеем более всего изображений выдры (табл. V, рис. 10; табл. VI, рис. 10 и 13; рис. 10 β в тексте). Вполне схематичное воспроизведение выдры на рис. 10, табл. V чрезвычайно сходно с изображением соболя в знаменах — рис. 3, табл. I. Распластанное изображение выдры, рис. 13, табл. VI и рис. 10 в тексте, и изображение в профиль, рис. 10, табл. VI, подчеркивают массивное туловище, передние лапы и хвост, длинные осязательные усики этого зверя. Весьма своеобразно изображение выдры (рис. 13 α), выгравированное на костяной, предохраняющей руку от удара тетивы при стрельбе из лука, дощечке (*ёш кар*).

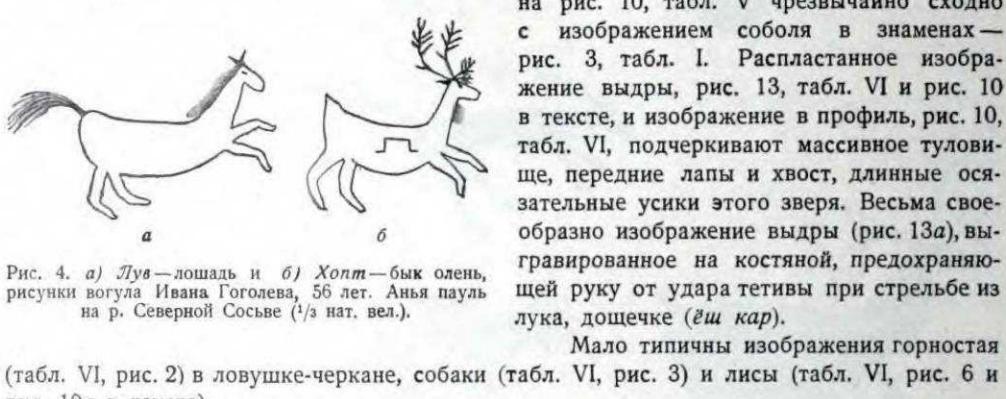

Рис. 4. а) *Луц* — лошадь и б) *Холт* — бык олень, рисунки vogula Ивана Гоголева, 56 лет. Аня пауль на р. Северной Сосьве ($1/3$ нат. вел.).

(табл. VI, рис. 2) в ловушке-черкане, собаки (табл. VI, рис. 3) и лисы (табл. VI, рис. 6 и рис. 10 α в тексте).

При значительном разнообразии в манере воспроизведения тех или иных животных, в общем, остыки и vogулы хорошо владеют формой и в большинстве случаев удачно передают типичные особенности воспроизводимых животных. За редкими исключениями звери изображаются в профиль, обычно с четырьмя ногами, реже двумя. В некоторых случаях намечаются глаза, причем иногда два глаза рядом даже на рисунках в профиль. Половые признаки отмечены только в одном случае (изображение оленя на рис. 8 в тексте). На одном из рисунков оленя (рис. 4б) изображена тамга (*сали пос*) его владельца, в пропорции, совершенно не соответствующей размерам рисунка. Внутренности изображены только в одном случае (табл. V, рис. 6), значительно чаще встречаются они на изображениях птиц.

Не менее разнообразны, как по сюжету, так и по манере воспроизведения изображения птиц. Тетерев чаще других птиц изображается остыками и vogулами. Впоследствии мы увидим насколько значительную роль играет эта птица и в орнаментике. Мы воспроизводим три рисунка тетерева (табл. VII, рис. 3; табл. VIII, рис. 3 и 5), существенно отличающиеся один от другого, причем только один (табл. VIII, рис. 3) передает характерные черты этой птицы. Общей чертой, перешедшей в традицию, является манера изображения крыльев. Много общего имеют изображения куропатки (табл. VII, рис. 1) и кулика (табл. VII, рис. 2), исполненные одним и тем же автором. Оба рисунка передают типичные черты изображенных птиц. По манере воспроизведения эти рисунки имеют несомненное сходство с изображением „тетерь”, остыцких знамен (ср. табл. I, рис. 7). Вполне своеобразны по манере исполнения изображения лебедя (табл. VIII, рис. 1) и орла (табл. VIII, рис. 2), несмотря на условность рисунка, передающие своеобразную грацию

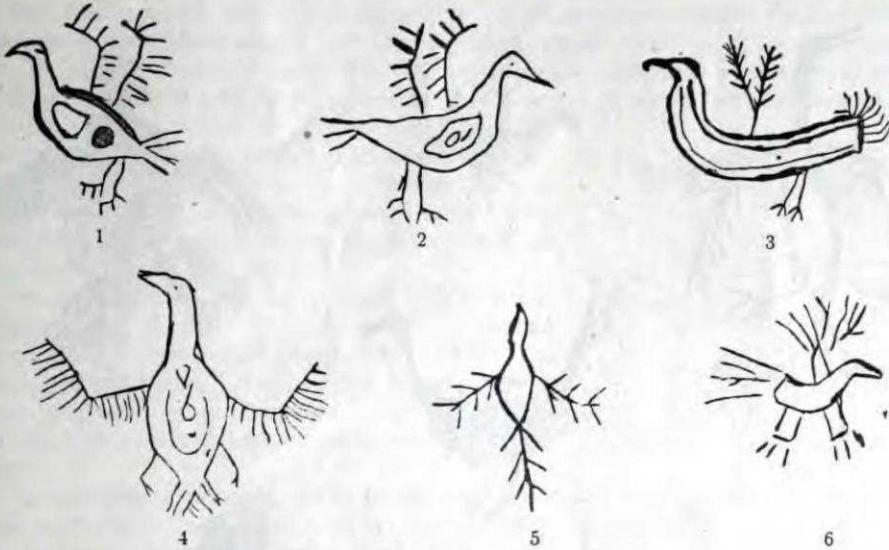

Таблица VII (2/3 натур. величины).

Рис. 1. Шага—куропатка, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 2. Хонплля—кулик, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 3. Чолпыр—тетерев, рисунок вогула Алексея Немги, 32 лет. Няхсимволь пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 4. Вазы—утка (внутренности сверху вниз: сам—сердце, мугыу—печень, сова—пупок), рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 5. Куукук—кукушка, рисунок остячки Веры Сянкиной, 18 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 6. Ворнга—ворона, рисунок остячки Веры Сянкиной, 18 лет. Уркум горт на р. Казыме.

первой птицы и мощность второй. Весьма любопытно изображение утки (табл. VII, рис. 4), где сделана попытка изобразить и внутренности этой птицы (сердце, пупок и печеньку), подобно тому, как это сделано на рисунках куропатки и кулика (табл. VII, рис. 1 и 2).

Наиболее замечательно изображение филина (табл. VIII, рис. 4), передающее пышный первовой покров этой птицы, пушистую голову и мощные когти. В такой же мере художественно и динамично изображение летящего воробья (табл. VIII, рис. 6) и кулика (см. конец статьи).

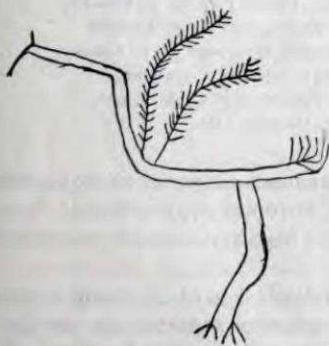

Рис. 5. Тары — журавль, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве (1/2 нат. вел.).

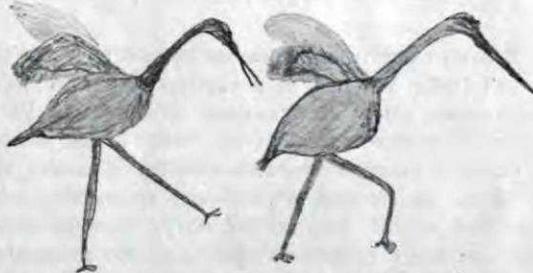

Рис. 6. Тары — журавль, рисунок остяка Кириллы Яркина, 26 лет. Нирэхумит пауль на р. Оби (2/3 нат. вел.).

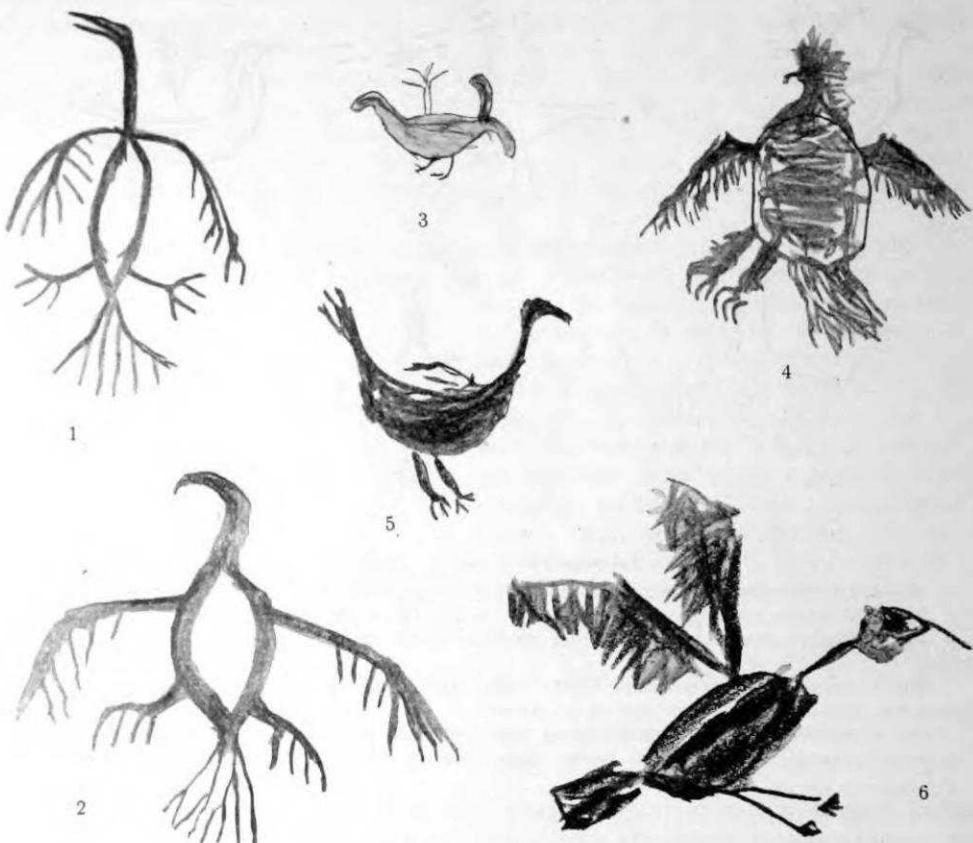

Таблица VIII (в натур. величину).

- Рис. 1. *Хотын*—лебедь, рисунок остички Марии Бендиховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 2. *Курык*—орел, рисунок остички Марии Бендиховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 3. *Кутри*—тетерев, рисунок остика Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган-горт на р. Казыме.
 Рис. 4. *Иби*—филин, рисунок остика Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 5. *Чопыр*—тетерев, рисунок остика Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 6. *Сиськи*—воробей, рисунок остика Николая Куйбина, 46 лет. Нижняя Обь.

Весьма схематизированными и вместе с тем стилизованными являются изображения кукушки (табл. VII, рис. 5) и вороны (табл. VII, рис. 6), из которых первое может быть сопоставлено, как и изображение лебедя (табл. VIII, рис. 1), с некоторыми изображениями птиц среди остицких знамен (ср. табл. I, рис. 8 и 10).

Особый интерес представляют изображения журавлей (рис. 5 и 6). В одном случае (рис. 5) мы имеем весьма условное, но вместе с тем достаточно характерное изображение этой птицы: на длинных ногах длинное легкое туловище, с длинной шеей, кургузым хвостом и сильными крыльями. Во втором случае (рис. 6) изображения вполне реалистичны, передают все наиболее типичные черты этих птиц и притом с своеобразной грацией их движений.

Все изображения рыб (табл. IX, и рис. 7а, б) не только вполне реалистичны, но во многих можно даже узнать тот вид, который автор пытался нарисовать. Какарь (табл. IX, рис. 6) со своим широким туловищем легко отличается от длинного, со щупальцами, налима (табл. IX, рис. 5) или осетра (табл. IX, рис. 4). Еще отчетливее подчеркнуты видовые отличия максуна (рис. 7а) от осетра (рис. 7б).

Очень любопытен своеобразный рисунок каракса, ме-
чущего икру (табл. IX, рис. 1). Напомним, что и в древних знаменах изображения рыб отличаются реалистичностью и вместе с тем художественностью исполнения (табл. I, рис. 6).

Из земноводных мы имеем одно изображение лягушки (табл. X, рис. 1), изображение достаточно схематичное, с условным обозначением внутренностей, и тритона (табл. X, рис. 4). Последний рисунок весьма выразителен и интересен тем, что помимо двух пар конечностей впереди изображен жаберный аппарат.

Из насекомых имеются изображения моски и комара (табл. X, рис. 2 и 3), изображения в общем сходные с некоторыми из тех знамен, которые Оглоблин рассматривает как изображения птиц (табл. I, рис. 11).

Сравнительно небольшое место среди осяцких и вогульских рисунков, как мы уже отмечали выше, занимают изображения различных предметов и бытовых сцен.

Слопец для ловли тетеревей (табл. X, рис. 5) изображен в плане и вполне точно передает конструкцию этого снаряда. Рисунок верши с рыбой (табл. XI, рис. 1), как и все рисунки осяков и вогулов, страдает

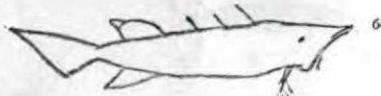

Рис. 7. а) *Максун*— максун, рисунок осяка Тимофея Яркина, 31 года. Нирэхумит пауль на р. Оби. б) *Сах*— осетр, рисунок осячки Екатерины Харон, 28 лет. Ильби горт на р. Казыме (нат. вел.).

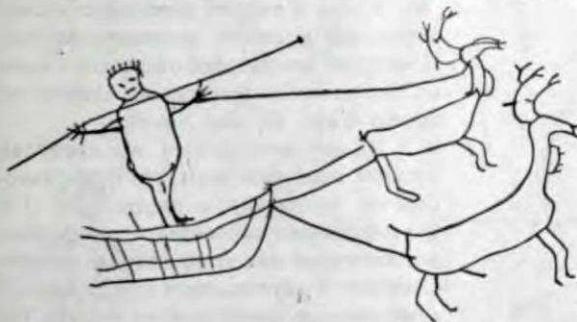

Рис. 8. Нарта, запряженная оленями, рисунок осяка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме (2/3 нат. вел.).

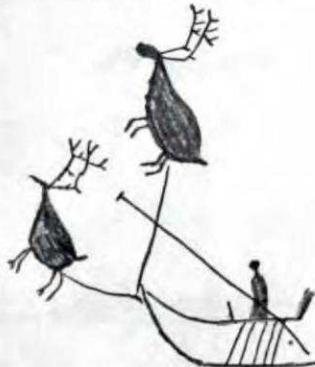

Рис. 9. Нарта, запряженная оленями, рисунок осяка Ивана Молдан, 25 лет. Казым-тын-вож на р. Казыме (2/3 нат. вел.).

отсутствием перспективы, но в плане дает верное представление об изображаемом рыболовном снаряде. Чумы (табл. XI, рис. 3 и 5) изображены весьма схематично. Очень интересен рисунок осяка-колыданщика на промысле (табл. XI, рис. 2). Обращает на себя внимание несоответствие масштабов в изображениях лодки и весла, условность изображения тонкой и густой колыданской сетки грубой решеткой, но имеется налицо типичный для колыдана грузовой камень. Достаточно живописны сцены езды на оленях (рис. 8 и 9). В одном случае (рис. 8) мы имеем грузовую нарту, запряженную парой

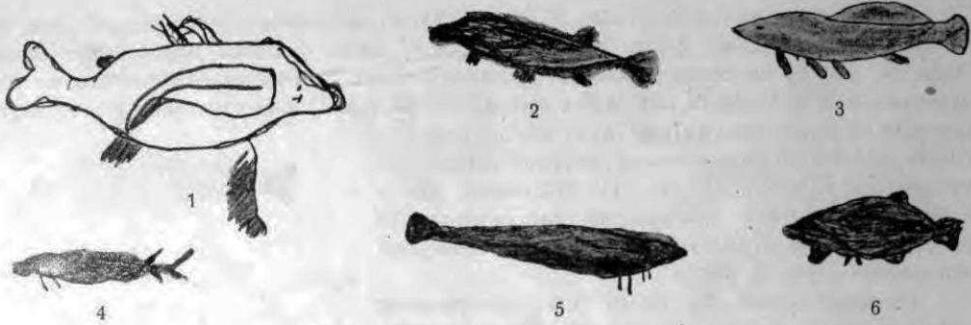

Таблица IX ($\frac{1}{2}$ натур. величины).

Рис. 1. *Модынгуд*—карась, мечущий икру, рисунок остиака Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Ху*—рыба, рисунок остиака Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 3. *Тахтан ху*—крылатая рыба, живущая в вершине р. Казыми, рисунок остиака Ивана Сянкина 32 лет. Кельс-ёган-горт на р. Казыме.

Рис. 4. *Сох*—осетр, рисунок остиака Еры Кыллим, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь.

Рис. 5. *Паккэ*—налим, рисунок остиака Молданова, 13 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 6. *Модынгуд*—карась, рисунок остиака Молданова, 13 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

оленей, и ездока с длинным хореем в руке; во втором случае (рис. 9) нарта ездовая, запряженная также парой оленей.

Следует отметить, что изображения людей значительно уступают изображениям животных. Как и в знаменах (табл. I, рис. 12) изображения людей на рисунках нашего собрания (табл. XI, рис. 2, 4 и 6; рис. 8 и 9 в тексте) отличаются схематичностью и малой выразительностью. Некоторой экспрессией отличаются только изображения девушки и идущего человека (табл. XI, рис. 4 и 6).

Из охотничьих сцен мы приводим рисунки настороженных на тропе самострелов на лисицу и выдру (рис. 10). В изображении самострелов мы находим все типичные для этого снаряда детали. Отмечается двулопастная стрела лисьего самострела и коническая на выдру. Рисунок лисицы уступает многим из тех изображений зверей, с которыми мы познакомились ранее, изображение же выдры по обыкновению очень характерно.

Совсем особняком стоит рисунок 11, выполненный грамотным остиаком: сухое ивовое дерево и на нем желна, в типично для черного дятла позе, долбящая сухое дерево. Вниз летят кусочки дерева.

На рисунке отмечен также дерновой покров с травой и разветвляющиеся вглубь корни дерева.

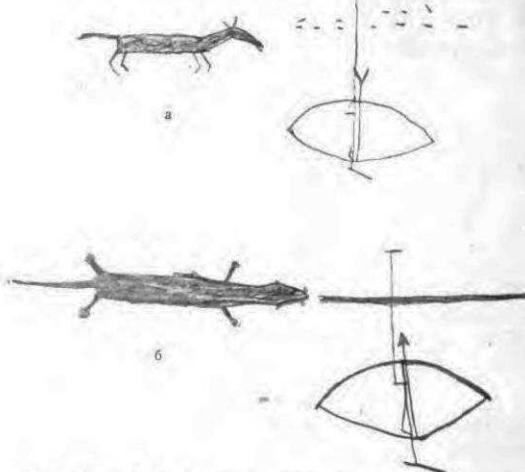

Рис. 10 а) *Оксыр йогыл*—самострел и *оксыр*—лисица, рисунок остиака Ери Кыллим, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь. б) *Вундыр йогыл*—самострел и *вундыр*—выдра, рисунок остиака Ивана Рондамова. Ильби горт на р. Казыме ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

ной для черного дятла позе, долбящая сухое дерево. Вниз летят кусочки дерева. На рисунке отмечен также дерновой покров с травой и разветвляющиеся вглубь корни дерева.

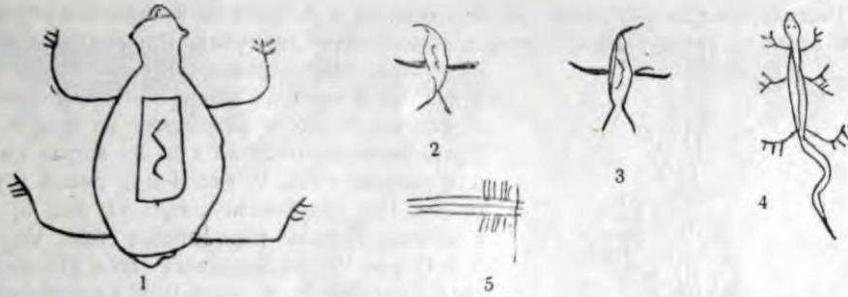

Таблица X ($\frac{2}{3}$ натур. величины).

Рис. 1. *Няурнэ*—лягушка, рисунок остички Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Нямалт*—мошка, рисунок остички Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 3. *Ледига*—комар, рисунок остички Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 4. *Вась вай*—тритон, рисунок остички Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 5. Слонец, рисунок остика Ивана Молдана, 25 лет. Казым-тыи-вож на р. Казыме.

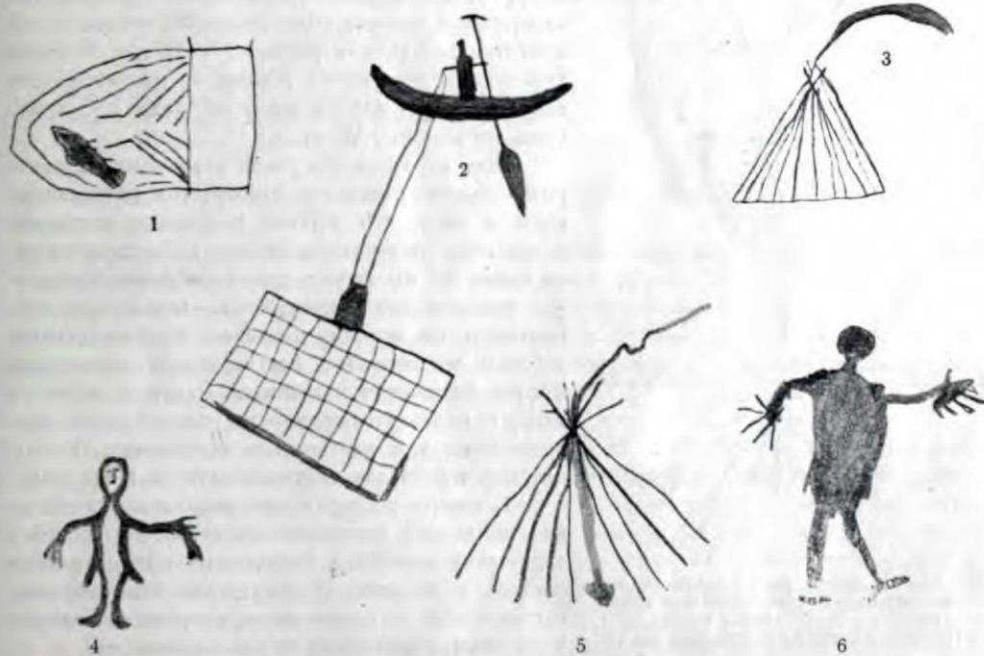

Таблица XI ($\frac{2}{3}$ натур. величины).

Рис. 1. *Пун*—верша и в ней *модынүд*—карась, рисунок остика Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсъ-ёган-горт на р. Казыме.

Рис. 2. Колыданщик в лодке (*хульты хап*) ловит колыданом (*хульты пун*) рыбу, рисунок остика Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 3. *Нюки хот*—чум, рисунок остика Ивана Молдана, 25 лет. Казым-тыи-вож на р. Казыме.

Рис. 4. *Нэханы*—девушка, рисунок остички Веры Сянкиной, 18 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 5. *Иорн хот*—чум, рисунок остика Ери Кылым, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь.

Рис. 6. *Нэнхой*—человек, рисунок остика Ери Кылым, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь.

Рассматривая карандашные рисунки осятков и вогулов по изображенным сюжетам, мы не касались авторов. Между тем, художественное творчество исполнителей рисунков

настолько индивидуально, что, зная два-три рисунка какого-нибудь автора, не трудно выделить и остальные его произведения из общей массы. Достаточно сослаться хотя бы на вогула Оксикова (его рисунки табл. V, рис. 4 и 8; рис. 5 в тексте), осятка Ив. Молданова (табл. VI, рис. 5; рис. 9 в тексте), осятчек Юр. Молдан (табл. VII, рис. 1, 2 и 4) или Марию Бендихову (табл. VIII, рис. 1 и 2), чтобы убедиться, в какой мере индивидуальность или особая манера исполнения автора отражается в характере рисунка.

Сопоставляя рисунки нашего собрания с осятческими рисунками, опубликованными Мартином, мы видим, что они имеют много общего, как по сюжету, так и по характеру исполнения. Изображения животных и прежде всего северного оленя, людей и охотничих сцен в рисунках собрания Мартина занимают первое место. Многие из рисунков этого собрания имеют полную аналогию также и с осятческими знаменами XVII века.

При изучении рисунков различных народностей следует считаться с возрастом рисовавших, имея в виду, что детские рисунки существенно отличаются от рисунков взрослых. Детские рисунки, имеем ли мы дело с представителями культурных народов или примитивных,—схематичны, элементарны по замыслу и наивны по выполнению; ребенок не обладает достаточными познаниями формы, не владеет и техникой. Рисунки взрослых даже в палеолите поражают удивительным знанием сюжета и мастерством исполнения. Последнее характерно для рисунков осятков и вогулов.

В нашем распоряжении находится значительная коллекция рисунков, собранных Митусовой у сургутских осятков, и Ракитовым—у юго-западных осятков и вогулов. Просматривая эти собрания, мы выделили те из рисунков, которые исполнены взрослыми безграмотными рисовальщиками, и те, которые выполнены осятками и вогулами детьми,

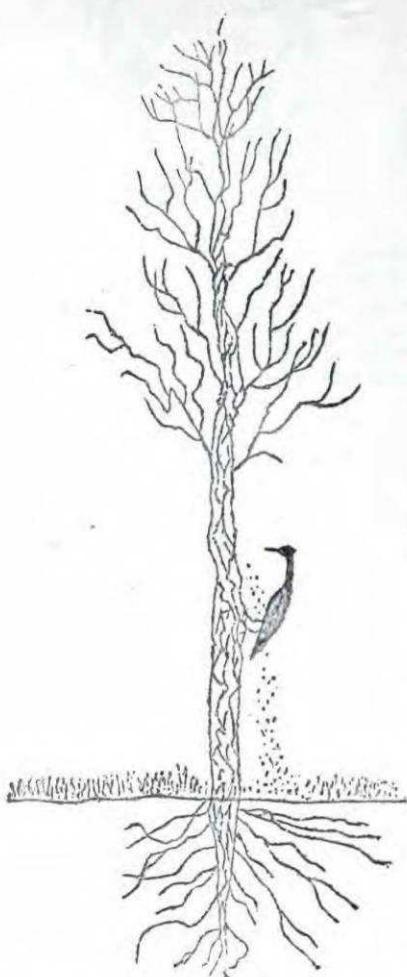

Рис. 11. Хонхра—желна на сухом таловом дереве *иляши*; изображен корень *тар* и трава *пум*; рисунок вогула Тимофея Яркина, 31 г. Нирэхумит пауль на р. Оби (нат. вел.).

прошедшиими школьное обучение. Первые вполне аналогичны собранным нами, детские же стоят особняком и не представляют ничего самобытного, являясь копированием виденных образцов и подражанием чужеземной технике воспроизведения.

Уже при ознакомлении с карандашными рисунками осятков и вогулов можно было заметить известную стилизацию в изображении различных животных. Стилизация эта еще резче выступает в рисунках на бересте, а затем можно наметить ряд последовательных переходов и превращений изображений животных, птиц

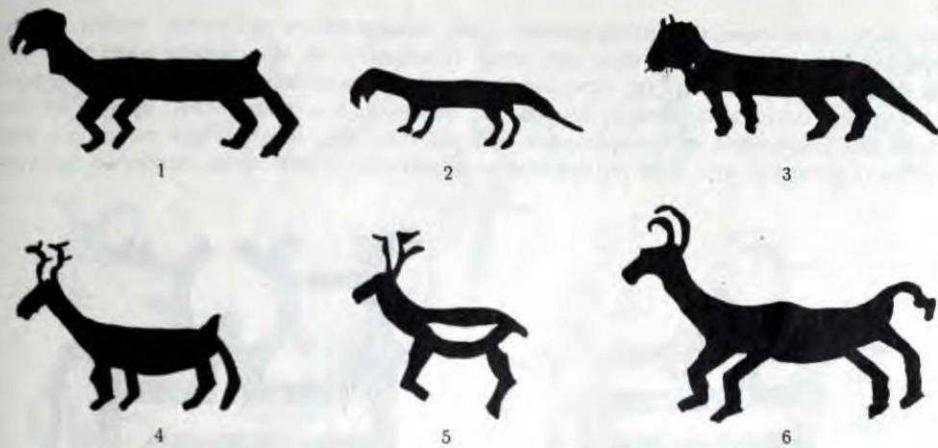

Таблица XII (?/з натур. величины).

- Рис. 1. (1711—631) Рысь—рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 2. (1711—631) Вумдыр—выдра, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 3. (1711—631) Вумдыр—выдра, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 4. (1711—610) Вуды—олень, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 5. (1711—607) Вуды—олень, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 6. (1711—631) Мис—корова, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

или зверей, в орнаментальный мотив, утрачивающий первоначальную связь с исходной формой.

Помимо карандашных рисунков, собранные нами коллекции дают не малую серию рисунков, выскобленных на бересте. Техника такого рисунка чрезвычайно проста. На внутренней стороне бересовой коры, снятой весной, острием ножа намечается контур желаемого рисунка или орнаментального мотива и проскабливается ножом. В иных случаях рисунок просто выскобливается без предварительной наметки контура.

Среди рисунков и этой категории (табл. XII и XIII) мы имеем прежде всего изображения зверей и птиц, человека и, как исключение, червяка и лягушки.

Изображения зверей и птиц крайне выразительны и не уступают в этом отношении карандашным рисункам. По технике исполнения они силуэтны. Некоторые из рисунков этой категории поражают простотой, правдивостью и художественностью исполнения (табл. XII, рис. 3; табл. XIII, рис. 1—3). Воспроизведение в движении—характерная особенность рассматриваемых рисунков. Птицы изображаются на полете или при посадке, причем последние выражаются весьма разнообразными приемами; люди и звери, даже корова, находятся в движении.

Очень интересно изображение всадника верхом на лошади. Сюжет этот имеется в нашем собрании, как на бересте, так и на культовых предметах, в частности на *тор*, покровах на жертвенных животных.

Лошадь в том районе, откуда происходят наши рисунки, занимает третьюестепенное место среди домашних животных. Она имеется у остяков только долины Оби близ г. Березова. У северных вогулов, у казымских остяков и тем более у остяков северных лошади нет. Тем не менее, это животное играет важную роль в религиозных представлениях; на нем сын бога неба (*мир суснэ хум*—вогулов или *мастер* или *орт* остяков) совершает свой обезд вселенной. Во время молений и жертвоприношений

сын бога неба невидимо присутствует среди молящихся, и последние ставят четыре серебряные тарелочки под ноги его коня. Покрывало на жертвенное животное, *тор*, общераспространенное среди остыков и вогулов и имеющее первостепенное значение в их культе, состоит из четырех изображений всадника (сына бога неба), причем изображение это трафаретно и канонизовано. Рисунок 12а, воспроизводящий сына бога неба верхом на лошади при всей стилизации еще довольно реалистичен, особенно рисунок

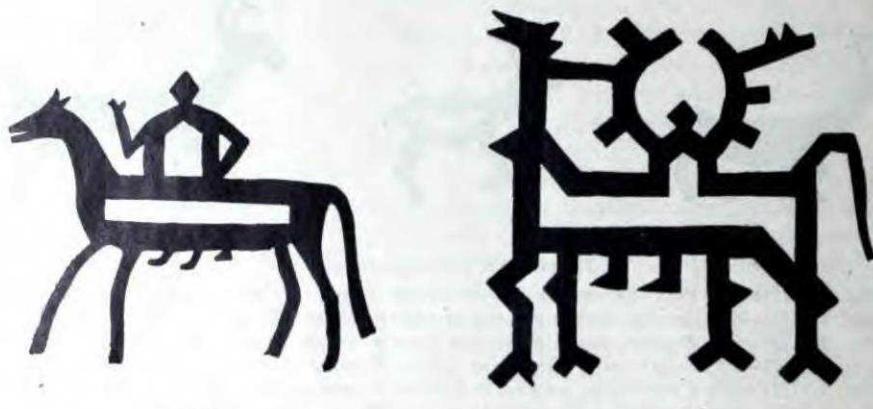

Рис. 12. а) (1710—427) *Мир суснэ хум* — сын бога неба, изображение на *тор* — покрывале на жертвенное животное. Вогулы. Куайхиа пауль на р. Северной Сосьве. б) (1710—429) То же. Няхсимволь пауль на р. Северной Сосьве ($\frac{1}{3}$ нат. вел.).

лошади. Изображение всадника и лошади на рис. 12б уже значительно более стилизовано в характерном для вогульской и остыцкой орнаментике духе.

Рисунки, о которых до сих пор шла речь, дают реальные, обычно весьма характерные образы без стилизации.

В изображении *ворчик* или *вурчик* в татуировках мы уже имели случай познакомиться со стилизованным рисунком, особым остыцкого стиля изображением птицы. Подобная стилизация птиц и зверей у остыков очень распространена и занимает выдающееся место среди орнаментальных мотивов на берестяной посуде. Для того, чтобы дать представление об этой части графического искусства остыков и вогулов, мы приводим всего две таблицы рисунков подобного рода, одну — с изображениями птиц, другую — зверей.

Уже в карандашных рисунках (табл. VIII, рис. 1 и 2), особенно в выскобленных на бересте (табл. XIII, рис. 4—5), намечается известная стилизация. Гораздо явственнее она выступает в изображениях (табл. XIV), которые мы обычно, как центральные фигуры, находим на берестяных сосудах и их крышках. Изображение кулика (табл. XIV, рис. 1) стоит особняком и, несмотря на своеобразный стиль, может быть сопоставлено с рисунками 1—3 таблицы XIII. Изображения куропатки (табл. XIV, рис. 2) и тетерева (табл. XIV, рис. 3 и 11), весьма сходные между собой, представляют, хотя и условное, но достаточно реальное воспроизведение этих птиц. Иное дело изображения куропатки (табл. XIV, рис. 4) и тетерева (табл. XIV, рис. 10), которые, как и целый ряд других (табл. XIV, рис. 9, 13, 14 и 15), представляют собой своеобразные по стилю, геометризованные (если можно так выразиться) изображения этих птиц.

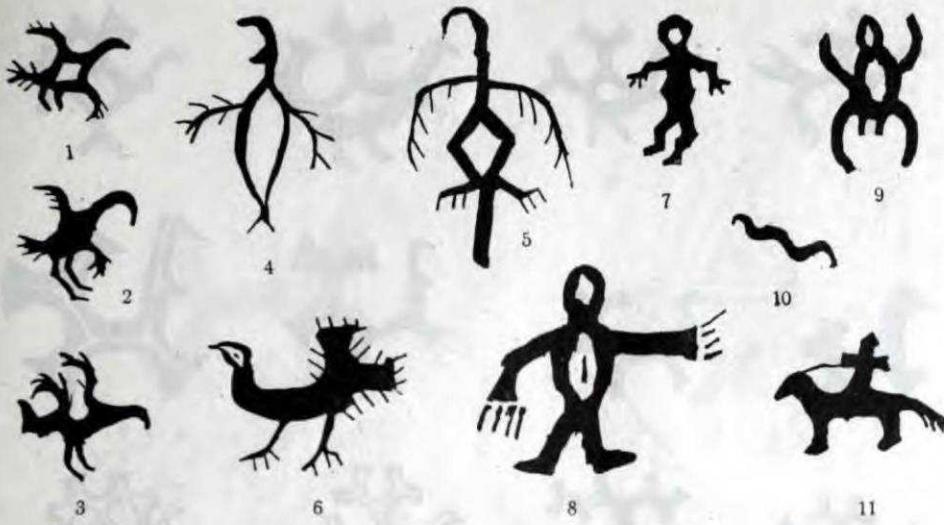

Таблица XIII ($\frac{1}{2}$ натур. величины).

- Рис. 1. (1711—631) *Кукук*—кукушка, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 2. (1711—631) *Хонхра*—желна, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 3. (1711—631) *Чопыр*—тетерев, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 4. (1711—607) *Хотын*—лебедь, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 5. (1711—607) *Курык*—орел, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 6. (1711—607) *Глухарь*, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 7. (1711—610) Человек, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 8. (1711—606) Человек, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 9. (1711—610) *Няурна*—лягушка, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 10. (1711—606) *Мынг лер*—червяк, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 11. (1711—631) Человек на лошади, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 13. а) (1711—59) *Буньндыр*—выдра, изображение на ёш кар. Остяки. Ильбиг горт на р. Казыме; б) (1711—58) *Мойпир*—медведь, изображение на ёш кар. Остяки. Казым-тын-вож на р. Казыме; в) (1711—60) *Анш вой*—бобер и люк—тетерев, изображение на ёш кар. Остяки. Казым-тын-вож на р. Казыме ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

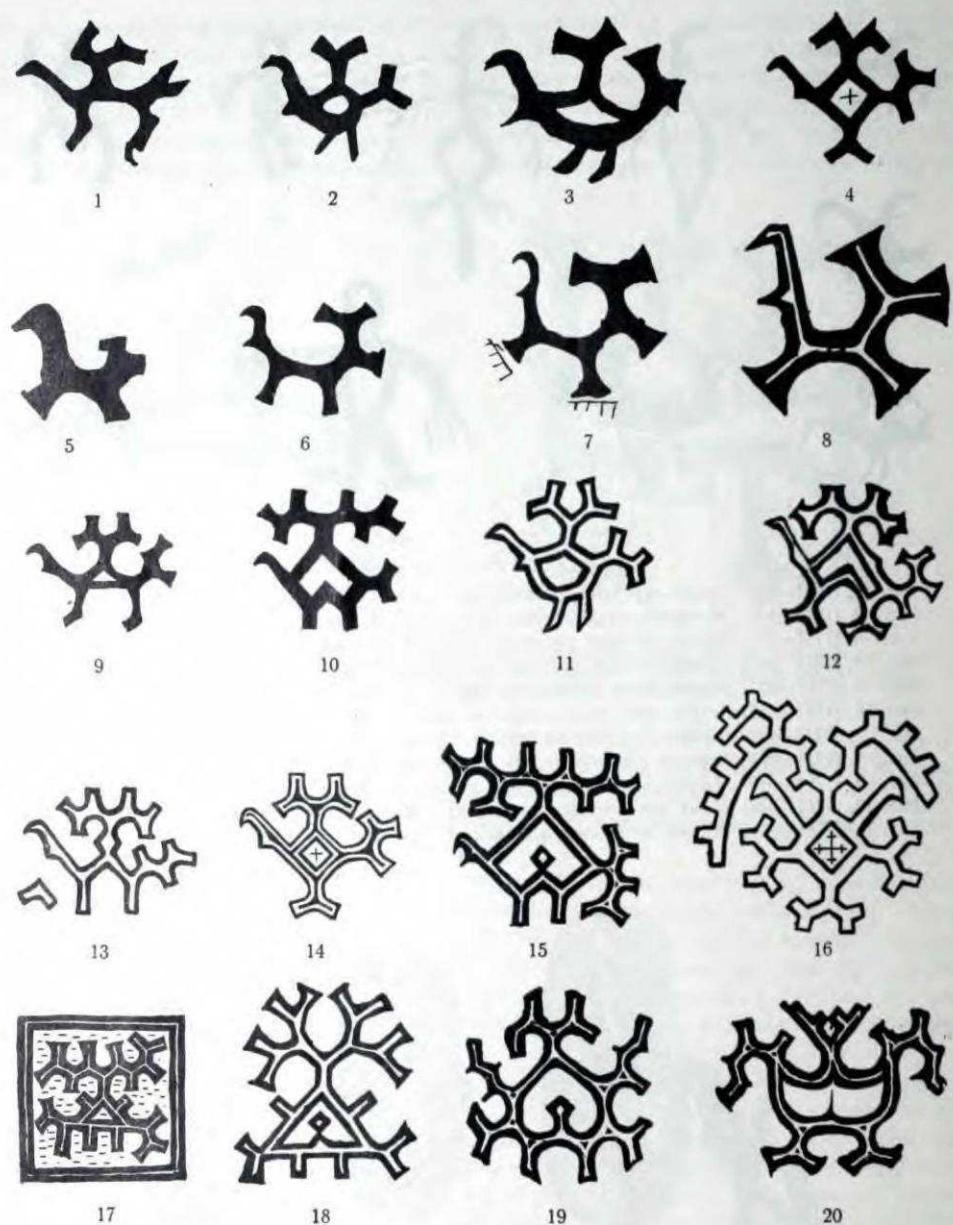

Таблица XIV ($\frac{1}{2}$ нат. вел. рис. 1—8; $\frac{1}{4}$ нат. вел. рис. 9—20).

Рис. 1. (1711—596) Хонпля—кулик, рисунок на берестяной крышке сосуда сун. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 2. Шага—куропатка, рисунок остички Анны Лизямовой, 17 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 3. (1711—138) Люк—тетерев, рисунок на берестяной крышке сосуда кугым. Остяки. Кельсь-еган горт на р. Казыме.

Рис. 14. (1711—610) *Вуды*—олень, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

Рис. 15. (1710—149) *Яны уай айн*—лосиные рога, рисунок на берестянном сосуде *сан*. Богулы. Куайхия пауль на р. Северной Сосьве ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

Рис. 4. (1711—602) *Няр вой*—куропатка, рисунок на берестяной крышке сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 5. (1711—606) *Тивник*—птичка, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 6. (1711—602) *Халеу*—чайка, рисунок на берестяной крышке сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 7. *Халеу*—чайка, рисунок остиаки Марии Бендишовой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 8. (1711—136) *Халеу*—чайка, рисунок на берестяной крышке сосуда *ай кучырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 9. (1711—603) *Люк*—тетерев, рисунок на бересте для крышки сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 10. (1711—125) *Черс-ханы-вой*—птица, центральный рисунок на берестянном сосуде *кугырь*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 11. (1711—128) *Люк*—тетерев, рисунок на берестяной крышке сосуда *кугырь*. Остяки Казым-тынвож на р. Казыме.

Рис. 12. (1711—160) *Халеу*—чайка, центральный рисунок на берестянном сосуде *вонзип*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 13. (1711—161) *Люк*—тетерев, центральный рисунок на берестянном сосуде *вонзип*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 14. (1711—143) *Люк*—тетерев, центральный рисунок на берестянном сосуде *кугырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 15. (1711—144) *Люк*—тетерев, центральный рисунок на берестянном сосуде *кугырь*. Остяки. Позыл пауль на р. Оби.

Рис. 16. (1710—166) Рисунок на берестянном сосуде *саз пайл*. Богулы. Олтуум пауль на р. Сосьве.

Рис. 17. (1711—145) *Хумылха*—земляной жук, центральный рисунок на берестянном сосуде *кугырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 18. *Хумылха*—рисунок на бересте. Остяки с р. Казыма.

Рис. 19. (1711—127) *Хумылха*—земляной жук, центральный рисунок на берестянном сосуде *кугырь*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 20. (1710—140) *Колын пак*—оловая шишка, центральный рисунок на берестянном сосуде *сан*. Богулы. Сокур-я пауль на р. Ляпине (Сосьве).

От простейшей формы изображения птички табл. XIV, рис. 5 исходит целая серия своеобразных изображений чайки (*халеу*) табл. XIV, рис. 6—8, которые в осложненной форме принимают вид (табл. XIV, рис. 12) совершенно сходный с аналогичными изображениями тетерева (табл. XIV, рис. 10 и 15). В рис. 16 табл. XIV, мы имеем осложненное и удвоенное изображение птицы (куропатки, тетерева или чайки—для нас не имеет значения). В конечном результате осложненные, стилизованные изображения птиц дают формы генетически с ними связанные, но утратившие внешнее сходство с птицей, почему остыки и вогулы дают им своеобразные названия: земляной жук, еловая шишка и проч. (табл. XIV, рис. 17, 18, 19, 20)¹.

Рис. 16. (1710—473). *Vor-tol oйка*—медведь, изображение вышитое оленым волосом. Вогулы с р. Северной Сосьвы.

лука *ёш кар*, приведенное в статье Шухова (рис. 6 в нашей работе: Предметы из осяцкого могильника возле Обдорска²; у Сирелиуса рис. 23 и 24 в тексте, иногда на берестяных табакерках).

Изображение медведя на берестяной табакерке (рис. 17) уже значительно сложнее. Голова раздвоена, передние и задние лапы представлены симметричными завитками осложненными украшающими их придатками. Последнее изображение совершенно идентично изображению медведя же (табл. XV, рис. 3), вырезанному из сукна, которое мы

Та же картина наблюдается в эволюции изображения зверей. Реальные образы, путем удвоения или схематизации, а затем стилизации переходят в орнаментальные мотивы.

Одним из примеров удвоения может служить изображение оленя, рисунок на бересте (рис. 14) или использование рогов, как орнаментального мотива (рис. 15).

Наиболее простая форма схематического изображения животного—рисунок бобра на табл. XV, рис. 1. Точно такое же изображение мы [находим на предохранительной для руки дощечке, употребляемой остыками при стрельбе из

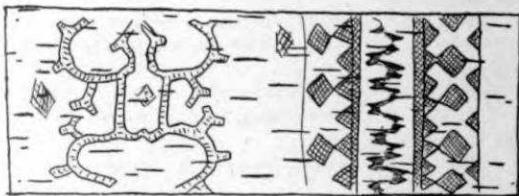

Рис. 17. (1710—216) *Мойлыр*—изображение медведя на берестяной табакерке (в развернутом виде). Вогулы. Посолдят пауль на р. Северной Сосьве (1/2 nat. vel.).

¹ В коллекциях Русского Музея (1711—134) имеется стилизованное изображение тетерева, которое с несомненностью свидетельствует о том, что рис. 20 табл. XIV генетически связан с изображением птицы.

² Шухов, И. Н. Из отчета о поездке весной 1914 года к казымским осяткам. Сборник Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук, т. III.

³ Материалы по Этнографии России. СПБ. 1914, т. II. Шухов в выше упомянутой статье полемизирует с нами, утверждая, что изображения, о которых идет речь, не медведи, а лошади. Полагаем, что данный рисунок в такой же мере мало похож на лошадь, как и на медведя. Речь идет ведь только о том, как называют данное изображение остыки и вогулы. Работа Сирелиуса, повидимому, не была известна Шухову, а в ней мы находим ряд интересующих нас изображений медведя с раздвоенной головой (табл. V, рис. 1—4). Встречаются они и в шитье орнаменте на ритуальных предметах, связанных с культом медведя, в частности на рукавицах (рис. 16).

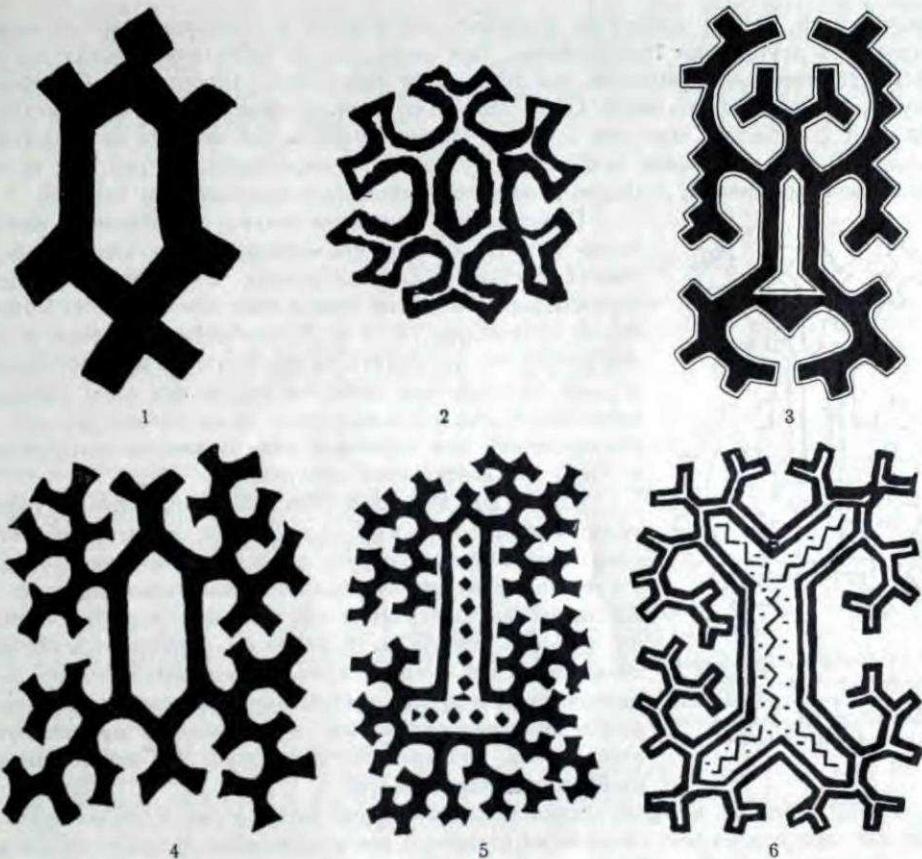

Таблица XV (нат. вел. рис. 1 и 2; $\frac{1}{4}$ нат. вел. рис. 3; $\frac{1}{2}$ нат. вел. рис. 4; $\frac{1}{8}$ нат. вел. рис. 5 и 6).

Рис. 1. (1711—606) *Вит вуй*—бобер, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 2. (1711—141) *Хут вул*—старые юрты, рисунок на берестянном сосуде *ай кугырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 3. (1710—426) *Вор-тол ойка*—старик медведь (дед лесных амбаров) изображение вырезанное из сукна на рукавице одевающейся во время празднества в честь медведя. Богулы. Сопур-я пауль на р. Сосьве.

Рис. 4. (1710—154) *Маколы ойка*—дедушка земляного дома, медведь на задних лапах, рисунок на берестянном сосуде *сан*. Богулы. Мункез пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 5. (1711—146) Медведь на столе, рисунок на берестянном сосуде *кугырь*. Остяки. Казым-тын-вож на р. Казыме.

Рис. 6. (1711—130) *Хумылха*—земляной жук, рисунок на берестянном сосуде *кугырь*. Остяки. Хульдор горт на р. Казыме.

находим на ритуальной рукавице, одевающейся во время медвежьего праздника, что с несомненностью свидетельствует об изображении на ней медведя. Изображение медведя на рукавице, о которой идет речь, отличается правильностью и симметрией рисунка, а также удачным разрешением поставленной проблемы: изобразить зверя и заполнить его изображением известную плоскость, в данном случае тыльную поверхность рукавицы. Полная симметричность рисунка в вырезанном из сукна или меха

орнаменте, в данном случае на рукавице, достигается наложением одной половины рисунка на другую при вырезывании. При нанесении на берестяную посуду тех или иных орнаментальных мотивов эта техника не применима. Поэтому на берестяных сосудах мы обычно не имеем столь тщательно выполненных изображений медведя. Рис. 4 и 5 табл. XV дают нам хорошие образцы изображений медведя на берестяных сосудах. В них мы узнаем трафаретное изображение зверя (табл. XV, рис. 1) с сильно разветвленными лапами, покрывающими всю подлежащую орнаментации площадь.

Подобные же и притом весьма своеобразные изображения также, повидимому, медведя мы находим на берестяных сосудах воспроизведенных в венгерской работе, упоминавшейся в начале статьи (рис. 4 – 7 табл. I)¹. Некоторые из них (рис. 4, 6 и 7) особенно интересны в том отношении, что, удерживая трафаретную схему изображения, на них своеобразным приемом отделяются лапы (добавлением когтей, как это имеет место и на нашем рис. 18) от тех прилатков или ветвлений лап, назначение которых – заполнить орнаментируемое пространство.

Как видно на рис. 5 табл. XV в иных случаях голова медведя может быть и не раздвоена. Очень интересно в этом отношении, а также по ряду других отличительных особенностей, изображение медведя, воспроизведенное на рис. 18. Здесь мы имеем трафаретное, в виде параллелограмма, изображение головы медведя, но оно дополнено изображением глаз, ушей и кончика носа. Передние и задние лапы отмечены рядом зубцов когтей. Композиционно весьма интересно сочетание контурного и внутреннего рисунка этого изображения, повторяющих друг друга, но вместе дающих изображение одного зверя.

Рис. 18. *Вор-тол ойка*—старик медведь (дед лесных амбаров), рисунок vogulianki Татьяны Оксинковой, 29 лет. Хорум пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 2 табл. XV, который остыки называют старые юрты, и рис. 6 той же таблицы, земляной жук, несомненно генетически связаны с изображением зверя, но превратились уже, особенно рис. 6 табл. XV, в орнаментальный мотив, утративший сходство, с основной животной формой.

Мы далеко не исчерпали того богатого материала, который дают нам по остыцкой и vogульской графике собрания Русского Музея, не говоря уже о других центральных и краевых музеях. Полагаем все же, что приведенных примеров достаточно, чтобы получить представление о художественном творчестве остыков и vogulов в области графики. Сопоставляя наше собрание с теми материалами, которые имеются в печати по графике ряда сибирских народностей (в частности чукоч) и различных народов за пределами нашего Союза, мы убеждаемся, что остыки и vogulы выделяются большой наблюдательностью, прекрасным знанием и пониманием окружающей их природы, в особенности животного мира, несомненным художественным дарованием и особым стилем в орнаментике, заимствованным у них рядом соседящих с ними народностей. Рисунки на древних писаницах Урала и Саяно-Алтайского нагорья, в частности верховьев Енисея и Монголии, много примитивнее остыцких и vogульских рисунков и по стилю могут быть сопоставлены только с древними остыцкими знаменами. Своеобразный стиль и традицион-

¹ Semayer Vilibáld. Vogul-osztják himes kéregedények. Mag. Nem. Múz. Nép. Os. Értesítője, Budapest. 1905.

ность осяцкой и вогульской татуировки говорят за большую древность этого вида украшения, а многочисленные варианты отдельных орнаментальных мотивов, хотя бы в изображениях птиц о том, что, несмотря на вполне определившийся стиль осяцкой и вогульской орнаментики, он еще молод, продолжает жить, развиваться и далек от вполне сложившихся заключенных форм.

C. Руденко.

ROUDENKO, S. L'ART GRAPHIQUE DES OSTIAKS ET DES VOGOULS.

Les matériaux, pouvant servir à l'étude de l'art graphique chez les Ostiaks et les Vogouls, sont très variés. Nous avons en premier lieu les „snamena“, ou signatures autographes des Ostiaks et des Vogouls sur les documents historiques, ensuite viennent les pyclographes et les dessins de différents objets de ménage. Le tatouage des Ostiaks et des Vogouls, ainsi que la décoration ordinaire des vêtements, de différents objets en écorce de bouleau etc., représentent de nombreux motifs d'ornementation extrêmement variés.

Les „snamena“ des Ostiaks sur les documents historiques du XVII sc. se distinguent essentiellement des „snamena“ des turcs, des finois et des peuples slaves de la Russie. Ils représentent différents objets, souvent des animaux, des oiseaux et des poissons. Cela s'explique par le fait que les Ostiaks et les Vogouls, n'ayant pas de langue écrite et ne possédant pas de signes individuels de propriété (tamga) apposaient à partir du XVII sc. au bas des documents en lieu de signature les dessins de leurs totems de famille.

Il y a une grande ressemblance entre ces totems et le dessin des tatouages des Ostiaks et des Vogouls. L'usage de tatouer le corps devient à présent de plus en plus rare chez ces peuples. Il se peut bien que dans certains cas de tatouage nous ayons justement le dessin des totems. Parfois les „snamena“ tatoués pouvaient servir de signes distinctifs d'une certaine personne, mais le but principal du tatouage chez les Ostiaks et les Vogouls était médical ou décoratif. Des sujets ornementaux du tatouage se trouvent aussi sur différents objets et sur les vêtements en particulier. Les dessins des oiseaux se distinguent par un style traditionnel strictement établi.

Les pyclographes se rencontrent seulement comme entailles sur des arbres dans les forêts; ils indiquent la route suivie par le chasseur et servent à transmettre des renseignements convenus. Les pyclographes représentent ordinairement des dessins très schématiques d'animaux.

Les dessins au crayon, faits sur du papier par les Ostiaks et les Vogouls, rassemblés par l'auteur sur les lieux au cours d'une expédition en 1909 et 1910, forment une collection riche en matériaux de l'art graphique de ces peuples. Les dessinateurs étaient des hommes et des femmes adultes n'ayant, à de rares exceptions, jamais vu ni dessins, proprement dit, ni illustrations. Les Ostiaks et les Vogouls dessinaient généralement des animaux, des bêtes sauvages, des oiseaux, des êtres humains, des insectes et rarement différentes scènes de moeurs. La majeure partie de ces dessins est parfaitement réaliste et nonobstant, le manque de perspective reproduit ingénieusement les traits caractéristiques des animaux et des objets. Les dessins des bêtes et des oiseaux, grattés sur l'écorce de bouleau, sont aussi expressifs que ceux faits au crayon. Au point de vue technique ce sont des silhouettes. Un des traits caractéristiques de ces dessins est la représentation des sujets en mouvement.

D'un intérêt tout particulier est le dessin canonisé d'un cavalier, le fils du dieu du ciel, sur les voiles rituels servant à recouvrir les animaux des sacrifices.

Les dessins réalistes des animaux sur les objets de ménage sont relativement rares. Ces dessins sont ordinairement stylisés d'une manière toute particulière aux Ostiaks et aux Vogouls.

A en juger d'après leur art graphique, les Ostiaks et les Vogouls se distinguent par un grand esprit d'observation, une connaissance approfondie et une compréhension de la nature, du règne animal en particulier. Ils ont aussi incontestablement un sentiment artistique. Leur style ornemental est tout-à-fait original. Ce style original et le traditionalisme dans le dessin des tatouages prouvent l'ancienneté de cet usage chez ces peuples; tandis que l'extrême variété des sujets ornementaux témoigne la jeunesse de leur art décoratif qui est encore en voie de développement et est bien loin d'avoir acquis des formes stables et définies.

Explication des planches.

Pl. I. „Snamena“ du XVII sc. des Ostiaks du gouvernement de Tobolsk. Pl. II — IV. Tatouage des bras des Ostiaks et des Vogouls. Pl. V — VI. Différents animaux dessinés au crayon par les Ostiaks et les Vogouls. Pl. VII — VIII. Oiseaux, dessins au crayon. Pl. IX. Poissons, dessins au crayon. Pl. X. Grenouille, cousin, moucheron,

triton, piège d'oiseaux, dessins au crayon. Pl. XI. Différents dessins au crayon Pl. XII. Animaux, dessins grattés sur l'écorce de bouleau. Pl. XIII. Oiseaux, hommes etc. dessins grattés sur l'écorce de bouleau. Pl. XIV. Oiseaux, dessins ornant les vases en écorce de bouleau. Pl. XV. Bêtes fauves, dessins ornant les vases en écorce de bouleau.

Fig. 1. Disposition du tatouage des bras. Fig. 2. Specimen de dessin de bêtes fauves des pyctographies des Vogouls. Fig. 3. Renne, dessin. Fig. 4. Cheval et renne, dessins. Fig. 5 — 6. Grues, dessins. Fig. 7. Poissons, dessins. Fig. 8 — 9. Ostiaks en traîneaux à attelage de rennes, dessins. Fig. 10. Arbalète pointée sur un renard et une loutre. Fig. 11. Pic cendré sur un arbre, dessin. Fig. 12. Une loutre, un ours, un castor et un tétras, dessin sur une plaquette en os que l'on fixe dans la main en tirant de l'arc. Fig. 13. Le fils du dieu du ciel à cheval, dessin découpé en drap sur un voile rituel dont on recouvre les animaux des sacrifices. Fig. 14. Dessin double de renne gratté sur l'écorce de bouleau. Fig. 15. Bois d'élan gratté sur l'écorce de bouleau. Fig. 16. Ours, dessin brodé en poil de renne sur des mitaines, employées au service rituel en l'honneur de l'ours. Fig. 17. Ours, dessin sur une tabatière en écorce de bouleau. Fig. 18. Ours, dessin.

